

Мир всегда одинаков и стоит, отвернувшись от нас. Наше счастье — заглянуть миру в лицо.

Михаил Пришвин

Как работает механизм

“Рукописи не рецензируются и не возвращаются” – выделено жирным шрифтом в условиях приёма рукописей издательства “Эксмо”. Возможно, они и не возвращаются, но рецензируются – совершенно точно. Когда-то, в числе прочих, и мной.

Во внештатные рецензенты я попала с экскурсии, устроенной одним из преподавателей моего института. Мы сидели в современном стеклянном зале для переговоров, а редактор отдела зарубежной прозы перечисляла условия, при которых книгу могут взять в печать. Одним из них было: “У вас должен быть один роман, но к нему вдобавок ещё три или четыре, если у вас свой стиль... в ином случае у нас есть серии женского романа, детектива, исторической прозы, куда можно “вписаться”. Все эти коммерческие предложения меня мало интересовали – на том же сайте “Эксмо” очень чётко было прописано: “Мы не рассматриваем поэзию (стихотворные произведения)”. В плане публикаций мне ловить было нечего. Но я быстро сообразила, как реализовать свой критический потенциал, когда редактор заговорила о работе рецензентов. “А как можно устроиться к вам на работу?” – спросила я, краснея. Мне выдали контакты отдела современной прозы, и я тут же написала восторженное электронное письмо: мол, хочу с вами работать, очень интересно было бы посотрудничать...

Ответ пришёл через неделю. Сговорились, что первые тексты мне дают на пробу, следовательно, за них не платят. Однако уже через пятнадцать минут редактор изменила решение и прислала сумму будущей оплаты. Следует упомянуть, что в издательстве меня не знал никто, о моих способностях или об их отсутствии у работников не было ни малейшего представления, и то ли мне просто поверили, то ли они брали вообще всех, кто хотел заниматься оценкой художественной прозы. Мне выслали очень подробный план рецензии. “Вам нужна схематичная статья?” – сразу же поинтересовалась я. “Нет, литературная, художественная”. Ответ меня удовлетворил, и с первой партией я справилась за две недели. Оценка моей работы удивила: попросили

составляя рецензию по пунктам, которые прописаны в выданном ранее плане, а пункты в самой рецензии обозначать названиями. И что же я, по мнению редакции, имела в виду, когда спрашивала о схематичности?

Немного об упомянутом плане. Первая его часть состояла из таких обычных вещей, как краткое содержание, сегмент, мнение рецензента о массе вещей (композиция, динамичность, образы, язык произведений и т. д.). Вторая же представляла собой огромную таблицу, которую я преимущественно игнорировала в своей работе. Таблица называлась “целевая аудитория”. Начиналось всё безобидно, с пола и возраста, наличия детей, социального статуса, но то, что следовало дальше, приводило меня в недоумение. В графе “благополучие” всегда умилял второй вариант: “бедные слои населения, на еду хватает, на одежду – нет”, а также четвёртый: “средние слои населения, хватает на бытовую технику”. Литература в издательстве воспринимается как продукт, это известно всем, но настоящим чёрным откровением для меня стало то, что, по мнению “Эксмо”, существует художественная проза в отдельности для людей, которые не могут купить одежду и которые могут позволить себе бытовую технику... Для меня так и осталось неразгаданной тайной, какова же эта литература для “бичей”, в чём её смысловая и стилистическая особенность, чем она отличается от литературы для тех, кто “материальных затруднений не испытывает”.

Но всё же я могу сделать предположение, основываясь на выдержках из интервью Олега Новикова, генерального директора издательской группы “Эксмо-АСТ”: *“Сегодня человек начал читать Донцову, завтра – Улицкую, потом – Барнса. Но вот, например, мигранты приезжают – ну, не можем мы сразу им предложить Макьюэна. Они его не будут читать, не станут. Но многие из подрастающего поколения начали читать благодаря Донцовой, я знаю несколько примеров”*^{*}. Новиков предлагает нам градацию, как бы обозначает культурные уровни, где низший – явно небеспеченные и, судя по словам Новикова, не слишком интеллектуальные “мигранты”. С Донцовой и Улицкой в эстетической системе генерального директора “Эксмо” всё понятно, их взаимосвязь он обозначил следующим образом: *“Не может быть высокой литературы, если нет основы – массовой литературы. В литературе не могут быть одни Улицкие”*^{**}. На вершине же пирамиды восседает отчего-то английский автор-постмодернист Джулиан Барнс. Очевидно, Новиков считает, что творчество именно этого направления соответствует планке “культурной элиты”, которая состоит из читателей искушённых, уже познавших и Донцову, и Улицкую. Прибавление про мигрантов и подростков заслуживает отдельного внимания. Интересно, почему же “не тянущим” Макьюэна надо предлагать вместо него именно Донцову? Наверное, чтобы после неё всё-таки обязательно следовала Улицкая, а за ней – непременно райские сады с чудесами постмодерна. Дети, начинающие свой читательский путь с дрянных пошлых детективов, – это вообще апофеоз. Зачем нам проза Пушкина, если можно сразу в грязь? Перейти, так сказать, к самому захватывающему.

Со временем я приноровилась следовать плану, обходя его странные формулировки. Выдумывала свои пункты, рассматривала произведение в большей мере с точки зрения эстетической, а не коммерческой. В моей работе мне виделась высшая цель: сделать что-то для русской литературы, отыскать среди присылаемых в издательство текстов бриллианты современной прозы, завалившись в пыли безвестности. Со временем пришло понимание, что система, установленная в издательстве, всячески мешает моим целям.

Абсолютно все тексты, которые приходят в издательство, отдаются на рецензию. Главное, чтобы правильно было сформулировано письмо, указаны все контактные данные. Когда текст отправляется к рецензенту, его никто не смотрит предварительно. Поэтому в итоге можно получить любой сюрприз: от сборника школьных сочинений до романа, полностью состоящего из мата. Даже если весь текст расчерчен красным в ворде, он всё равно доходит до рецензентского компьютера. Оплата одной рецензии зависит от размера присланного текста, в теории сто замечательных страниц стоят в разы меньше, чем четыреста отвратительных, просто нечитабельных. Авторы “скидывают” архивом, примерно по пять в одной партии, количество зависит от исполни-

* <https://daily.afisha.ru/archive/vozduh/archive/giaint-publishers/>

** <https://eksmo.ru/news/481590/>

тельности самого рецензента. Если сдашь работу в срок, то тексты независимо от твоего желания прибавляются. Несмотря на то, что сотрудничала я с отделом современной прозы, пару раз на рассмотрение присылали детских авторов. Я добросовестно отрецензировала их, посоветовавшись с коллегами, которые более меня разбираются в детской литературе. После первого я наметнула редактору, что более претендую на рецензирование “взрослой” прозы и попросту лучше в ней разбираюсь, но меня не услышали.

Один текст даётся сразу двум рецензентам: два “да” — произведение продолжает своё путешествие и направляется на оценку к редакторам, одно “нет” и одно “да” — туда же, два “нет” — в мусорный ящик, на кладбище забытых текстов. Такая практика в теории не плоха и даже претендует на объективность, ведь судьба произведения решается не единолично. Гораздо больше вопросов к тому, какие критерии устанавливаются издательством в оценке и как этот процесс реализуется на деле. Когда я только начинала сотрудничать с “Эксмо”, в групповых письмах значилось двадцать семь человек. Затем, примерно спустя два месяца, пришла массовая рассылка с анкетой. “В связи с участвовавшими вопросами редакторов по вашим рецензиям был составлен этот опросник. На основании данных опросника будут внесены изменения в механизм нашего дальнейшего сотрудничества”. Это значило — грядёт сокращение штата. В анкете нужно было обозначить своё образование, место работы и прочие формальные вещи. После опроса цифра получателей изменилась с двадцати семи на семь. С того момента текстов постепенно стало приходиться всё больше, время на их отработку оставалось тем же — месяц. Конечно, приходилось просматривать романы в четыреста страниц по диагонали.

О чём пишут люди?

Я пишу эту заметку потому, что больше не работаю с “Эксмо”, со мной так и не заключили обещанного договора, формально я не ограничена никакими запретами, а потому просто излагаю свой личный литературный опыт. Я всё же ценю его, ведь у меня была возможность поработать с “живыми” текстами разного уровня, посмотреть хотя бы частично, о чём думают люди, у которых возникает желание записать свои мысли, которые оценивают своё творчество настолько высоко, чтобы отправить его в издательство. Чем они живут, какие проблемы их волнуют, пусть даже на бытовом уровне.

Абсолютным рекордсменом среди жанров стал женский роман на вечный сюжет: история Золушки и принца. Занятия Золушки варьируются, встречались варианты сотрудницы рекламного агентства, уборщицы, продавца мебельного салона, журналистки. Принц же всегда остаётся заграничным, богатым и сказочно красивым. Произведения этого типа были исполнены с разной степенью мастерства, в этой категории встречались грамотно выстроенные образцы, где в шаблон были примерены стереотипные, только значительно осовремененные герои и героини. Часто выбирался и жанр исторического любовного романа, который назвать так можно было только с большой натяжкой. От истории в такого рода произведениях чаще всего были только красивые декорации. Почему-то преимущественно в этом жанре мне встречались самые неординарные произведения. Особенно неприятно поразила книга тринадцатилетней девушки. Героине её романа, незаконнорождённой графине, тоже было тринадцать лет. За пять дней она успела прожить богатую половую жизнь, забеременеть, в подробностях описать все эти процессы и свои “крепкие груди”.

Посчастливилось встретить две повести на военную тематику, обе были автобиографичны и мало интересны в художественном плане. Упомяну, что женских романов было мною отрецензировано более тридцати, дальнейшая статистика будет единичной. Единственный постапокалиптический роман был неожиданно хорош, автор интересно поработал над трансформацией жанра. В постапокалиптическом разрушенном мире герои ушли в природу, окупились в верования народа мари. Этот автор был единственным, страницы которого я не нашла на Прозе.ру и других свободных от отбора порталах. Но кроме этого самобытного автора, мне не встретилось интересных текстов за весь год работы. Только накалялся градус безумия. Однажды пришёл научно-фантастический роман про инопланетянина, страдающего импотенцией,

с фото-приложением. Пришлось удивиться и ста страницам школьных сочинений, темы которых были вовсе не оригинальны: “Что такое добро?”, “Как я провела лето?”, “Мой любимый домашний питомец”. Я долго и мучительно размышляла, как отрецензировать эти разрозненные темы. Не прошло бесследно заявление издательства о том, что поэзию они не рассматривают. Хитрые поэты в своих прозаических произведениях наделяли героев стихотворными речевыми характеристиками, излагали их мысли в стихах. Такие опыты всегда вызывали у меня улыбку понимая.

Но, пожалуй, самым ярким впечатлением остаётся для меня последняя рецензия, после которой я решила прекратить сотрудничество с “Эксмо”. Авторам, для которых “рукописи не рецензировались”, моя деятельность не приносила никакой пользы, а я утонула в море бессвязной прямой речи, которой были наполнены десятки многословных произведений. Самым ярким впечатлением тот роман остался потому, что в нём болезненно и гиперболически отражалась... боль русского народа. Это был крик человека, который взялся за перо, потому что больше не мог молчать, и настолько невыносимым ему виделось положение дел в стране, что он, как мантру, запечатлел своё отчаяние на бумаге. Его роман игнорировал все прозаические правила и принципы, даже грамматические и синтаксические нормы, он язвительно и издевательски нападал на президента, локализовав в его образе свою ненависть к коррупции и игнорированию социальных проблем. Этот автор замкнул цепочку. Во всех произведениях, приходивших в издательство, очень ощутимым было недовольство, неудовлетворённость и отчаяние. Этими текстами говорили со мной девушки, мечтающие о лучшей жизни, юноши, фантазирующие об инопланетных мирах, женщины рассказывали мне свои невысказанные эротические фантазии, взрослые мужчины с тяжёлым вздохом вспоминали героические времена войны, пожилые люди горько плакали, обзревая настоящее, кричали, как умели, о том, что мы живём в социальном аду, а они — его главные жертвы. Вся эта какофония непоставленных голосов слышалась, тем не менее, очень отчётливо, единым хором. Для меня стало совершенно очевидно, что люди мечтают уйти, спрятаться в тексты, которые они присылают, и спрятать в них других...

Отвлекусь от литературных мотиваций и обращусь к конкретным результатам социологических исследований. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения на апрель 2017 года* определённы счастливыми ощущают себя 39% россиян. Скорее счастливыми, чем наоборот, — 46%, скорее нет — 9% и определённы несчастливы всего 4%. Подавляющее большинство “счастливчиков” объясняют свои позитивные ответы наличием семьи (32%), жизни и здоровья у себя и близких (21%), детей (19%). Кроме семейных ценностей, радуют людей и наличие хорошей работы (14%), общая удовлетворённость жизнью и хорошее материальное состояние (по 9%). Уровень счастья, по заявлению ВЦИОМ, рекордный — 85%. То ли ко мне попадали самые несчастливые, то ли люди лукавили в опросниках и бодрились, а может, самое сокровенное могли доверить только бумаге?

С редактором мы прощались тяжело. Не эмоционально, а с большой натяжкой. Я обозначила, что хочу прекратить наше плодотворное сотрудничество. В ответ мне пришло двадцать четыре текста на одиннадцать тысяч рублей. Некоторые из них были помечены жёлтым, авторы предпочитали остаться анонимными. “Это нужно сделать как можно быстрее”, — писала мне редактор в ответном послании. “Вы меня не поняли, — ответила я уже жёстче, — мы больше не можем сотрудничать”. И мы действительно не могли. Возможно, эти “жёлтые” тайные тексты были кладезем таланта, но мне уже не удастся их прочесть. Кажется, вместе с “Эксмо” я прочитала достаточно.

Во всей этой долгой истории мне очевидна одна вещь: разорванность литературного процесса. “Толстые” журналы, интернет-порталы художественного слова, которые пытаются поддерживать биение сердца русской литературы, существуют обособленно от издательств. У гигантов книжного бизнеса совершенно другие правила. Максимальная интеграция с миром литературы, которую они себе позволяют, — это внимательное отношение к литературным премиям, которые сами по себе довольно спорное эстетическое мерило. А ведь журнальная традиция в России — явление центральное, веками выполнявшее

* <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116179>

функцию регулирования литературного процесса. И сейчас молодые литераторы всё так же стремятся в “толстяки”, потому что публикация в литературном журнале с историей – знак качества. И история в этом случае действительно заслуживает внимания. Русская словесность “расцвела” в журналах.

“Вестник Европы” в первый раз явил миру Пушкина, который создал “Современник”, где публиковался сам и печатал Николая Гоголя, Александра Тургенева, Василия Жуковского, Петра Вяземского, Дениса Давыдова, Фёдора Тютчева, Алексея Кольцова и многих других, в будущем сплошь классиков девятнадцатого века. Стоящий особняком Лермонтов тоже официально дебютировал в литературном журнале “Атеней” со своим первым стихотворением “Весна”. Если говорить о временах близких, то “Наш современник” подарил читателю не так давно ушедшего Валентина Распутина. И если книги признанного мастера можно найти в магазинах, то молодым “журнальным” авторам пробиться на книжный рынок достаточно сложно. Как я и говорила в начале, условием попадания хотя бы в серию является наличие романа. Вполне естественно, что начинающие авторы пишут рассказы и повести, а потому априори не могут быть напечатаны в издательстве. Поэтому “толстые” журналы становятся для них не только мечтой, но и единственным выходом на настоящую аудиторию. Даже успешные по современным меркам литературного процесса писатели, например, Елена Тулушева, издают сборники своих рассказов далеко не в крупнейших издательствах России, и даже вообще не в издательствах. Книга Тулушевой “Чудес хочется!” издана Фондом социально-экономических и интеллектуальных программ. Хорошо, что молодым авторам оказывается поддержка хотя бы с этой стороны. Что говорить о других литературных видах деятельности – поэзии, драматургии, критике? В книжных магазинах вообще вряд ли найдётся хотя бы одна хрестоматия по классической критической мысли...

Я, безусловно, считаю, что “толстые” журналы излишне дистанцировались, но упрекнуть их в коммерческом интересе даже при желании будет достаточно сложно. Идёт борьба за выживание, а не за массовую популярность. К тому же редакторы заботятся о поддержании имиджа и сохранении традиций своего издания, потому что во многом это определяет само явление. Каким образом они это делают и какой имидж поддерживают – тема для другого обширного разговора, а всё-таки ориентировка происходит не на будущие продажи, но на художественное качество, понимаемое каждым журналом по-своему. В издательстве же всё ровным счётом наоборот: важна коммерческая ценность и целевая аудитория, на которую автор будет работать. Работать, как раб на хозяина. Как тот, из первой строки, который не может позволить себе купить одежду, на того, кто не испытывает материальных трудностей, из шестой. Справедливо ли было надеяться на другое положение вещей, идя работать в “Эксмо”? Не наивно ли это, не излишне ли инфантильно? Возможно, а всё-таки я надеялась...